

Вечерний банкет в стенах императорского дворца, запланированный на пять-семь вечера, наконец-то официально начался. В величественном дворце был очень просторный главный зал. Правящий род и знать Тун придавали огромное значение устроенному банкету, и это было заметно, начиная с места, где проходило пиршество, заканчивая активным участием различных влиятельных господ.

Царствующий дядюшка Цин Чжан, у которого сейчас в руках находилась вся власть Тун, лично сопровождал прибывшего на банкет князя, впавшего в лёгкий шок при виде толпы перед собой.

— Как много людей... — свёл брови к переносице Фэн Мин и, понизив голос, шепнул сопровождающему его Жун Ху: — Почему в такой маленькой стране так много чиновников?

Бюрократическая система, будучи крайне раздутой, более прогнившая, чем силэйская!

Жун Ху так же, как и Его Светлость, тихо ответил:

— Докладываю князю Мину: среди всех присутствующих находится знать правящего дома, а также чиновники и члены царствующей семьи Тун, к тому же ещё множество приобретших благосклонность красавиц и мальчиков-наложников и, конечно же, большое количество личной охраны, — попутно объяснял телохранитель. — Прошу князя Мина не забывать, Тун сейчас разделено надвое — одна сторона поддерживает Цин Чжана, а вторая — Цин Ли, потому вся знать явилась сюда со своей охраной.

Ик? Фэн Мин рассмеялся, оказывается, зря упрекал бюрократическую систему Тун. Вот только грызня в стране расколола её, ничего хорошего не суля.

Главный зал императорского дворца был великолепен: в праздник его осыпали золотыми и серебряными украшениями, всё выглядело настолько роскошно и чувствовалось чрезмерное богатство в сравнении с дворцом Дунфань, однако вместе с этим излишеством также ощущалась нехватка дунфаньской чуткости, праздности и духовного благородства.

— Молодой господин рода Сяо, прошу, присядьте на циновку для дорогих гостей, — предложил отвечающий за расположение гостей чиновник, указывая на специально приготовленное для Его Светлости место.

В просторном главном зале были расставлены по порядку столики, рядом с которыми находились расстеленные циновки, имеющие характерные особенности, присущие только гостеприимной стране Тун — на циновках лежали до боли знакомые, очень удобные, большие и мягкие подушки.

Почти все пришедшие участвовать в банкете являлись знатью, а центр большого зала, что окружали столы, специально отвели под песни и танцы.

Расположение циновок со столиками напоминало скрученную змею, «кольца» которой словно «наслаивались» друг на друга. Таким образом Цин Чжан, Цин Ли и силэйские послы, вкуче с князем Мином и его свитой, само собой, размещались очень близко к центру, давая понять, что данные места отведены только для почётных гостей.

Любезно поблагодарив, Фэн Мин проследовал за чиновником. Дойдя до специально отведённого для него места, князь сел, а трое достаточно мужественных и дерзких охранников в лице Жун Ху, Цзы Янь и Ло Юнь не отходили далеко и с мечами в руках опустили на колени позади Его Светлости, придавая не ощутимую, но в то же время огромную мощь.

— Цзы Янь отвечает за окружение, за любое яство или напиток, переданные князю Мину, несущая ответственность я, — шёпотом проинструктировал Жун Ху двух сотоварищей.

Тихо посмотрев на творящееся перед глазами, Ло Юнь ответил Жун Ху:

— Когда будут подавать пищу, я сначала её осмотрю, а Жун Ху будет пробовать.

Следуя за Жун Тянем, князь участвовал во всяческих достаточно больших банкетах, но такой грандиозный и наполненный множеством людей всё же видел впервые. Фэн Мин бросил взгляд на нескольких занявших места высокопоставленных персон, замечая, что другие рассаживались за столики, предназначенные для маловажной знати, а следовавшая за ними охрана садилась согласно своему рангу.

Все шептались^[1], подмигивали и обменивались любезными улыбками.

Разного рода персоны были разодеты в дорогие наряды и украшения, у большинства на плечах сверкали роскошные и изумительные наплечники.

Фэн Мину сборище чиновников показалось очень увлекательным:

— Кто бы мог подумать, что на банкете в стенах тунского дворца будет таклюдно.

— Сегодняшний государственный банкет — редкость, так же как и его обстановка, которую лицезреть в обычные дни крайне сложно. — Место Цин Чжана находилось как раз по правую сторону от Фэн Мина на расстоянии примерно вытянутой руки. Сам же мужчина с улыбкой кивнул тунскому чиновнику, подошедшему поприветствовать его царствующую персону, и, услышав слова князя, Цин Чжан повернул голову со словами, при этом не переставая смеяться: — Если представится случай, кто станет терять редкую возможность окинуть взглядом изящество молодого господина рода Сяо? Без определённого положения, которое, конечно же, позволяет участвовать в банкете, боюсь, в главном зале уже давно столпился бы люд, совершенно не позволяющий даже присесть. — Позади царствующего дядюшки также сидели на коленях четверо огромных охранников, у каждого из которых было при себе оружие.

Цин Чжан говорил неплохо. Смерив взглядом всё пространство, Фэн Мин почувствовал, как душу охватывает любопытство, однако сам князь никогда не являлся центром всеобщего внимания.

Мир огромен, и все одиннадцать государств окутывала таинственность, кроме Его Светлости, никто не знал множества столь увлекательных историй, тем самым вызывая как у императора Силэй Жун Тяня, императора Ли Жо Яня, того красивого и непревзойдённого гоши[2] Дунфань Лу Даня, так и у множества других людей крайне сильное любопытство к своей персоне.

Прямые или косые, взгляды исподтишка — все сходились на Его Светлости. При этом гости шушукались:

— Тот, сидящий в середине, — это и есть силэйский князь Мин.

— Тц, действительно выглядит необычно[3].

— Такой изящный[4] красавец, неудивительно, что император Силэй смотрит на него, как на сокровище.

— Заблуждаешься. Этот человек не так уж прост, ни в коем случае не опирайся на внешность и не пренебрегай им, ведь не стоит забывать великое сражение на реке Оман, где он позволил Жо Яню из Ли вкусить огромное поражение. Смерть дунфаньского гоши также на его совести. В один миг он уничтожил священную землю одного государства и почти погрузил во мрак другое. Боюсь, самый непредсказуемый человек в мире — именно он.

Банкет ещё официально не начался, но в главном зале по-прежнему находилось немало красивых служанок; передвигаясь между циновками, девушки заботились о господах: исполняя приказ знати, подносили их любимые вещицы, что по привычке были принесены на банкет для развлечения.

Стройные силуэты, мелькавшие туда-сюда, то и дело заслоняли Его Светлость от пристальных и многочисленных взглядов, которые позже продолжали любоваться им даже через весь огромный зал, вновь падая на сидящего за столом молодого и красивого, но уже довольно знаменитого мужчину.

Кроме красивой внешности и знатности, этот князь Мин из Силэй обладал изумительной и сверкающей чистотой, словно озёрная вода. И находящиеся в зале чиновники, увлекающиеся мужчинами[5], не выдержав огня, что охватил их сердца, украдкой обратились к своим друзьям-шакалам:

— Интересно, когда император Силэй играет[6] с ним, какой взору вид открывается, такой же или иной?

— Кстати говоря, — недобро рассмеялся чиновник, — ты что, не слышал про довольно дорогую глиняную безделушку, которая появилась недавно, называется «фигурка князя Мина»?

— Конечно слышал, возмутительно то, что, несмотря на предложенную мною любую, малую или высокую, цену, так и не купил ни одной. С большим трудом выяснив, что она была сделана в юньиньском городке Фэньчэн, лично отправил туда своих слуг, но, кто бы мог подумать, там сказали, что их больше не продают. И впрямь никакого проку. Ха, неужели ты...

— Хе-хе, я тогда приобрёл тоже за высокую цену, уступить тебе не смогу, но ты и я, младший брат, вполне можем насладиться ею вместе. — И, понизив голос, на ухо добавил, похабно улыбаясь: — Фигурка и впрямь первоклассно сделана, хоть и из глины, лицо один в один княжеское, руки и низ тела довольно превосходны, особенно промежность... Ах, даже мне понравилась, стоило её увидеть.

Сидящий на почётном месте изящно-красивый князь Мин, который сейчас изысканно отпускал шутки словами силэйских наставников, некогда учивших его, общался с Цин Чжаном и ведать не ведал, что его воспринимали как объект сексуальных фантазий.

Когда появилось ощущение, что терпение на исходе от неинтересной болтовни, в больших воротах зала раздался барабанный бой, вынуждающий задрожать ушные перепонки. В продолжение зазвучало долгое объявление:

— Семь часов вечера уже наступило! Приветствуем официального посла, присланного императором Силэй, Его Высочество принца Даньлинь Хэ Ди, молодого господина рода Сяо Фэн Мина — вечерний банкет начинается! — объявили протяжно, словно пели, чиновники-распорядители в тот же миг, когда заиграли колокольчики вместе с барабанами.

— Поднести яства.

— Внести вина.

— Песни и танцы.

Находящиеся в зале боковые двери вдруг распахнулись, и появилось множество разодетых, невероятно красивых[7] танцовщиц, подобных рою бабочек, порхающих на ветру, и главный зал мгновенно наполнился лёгким, словно крыло цикады, шёлком, прелестной изящностью и щекочущим нос розовым ароматом. Мелодичная музыка приятно будоражила и наполняла душу счастьем.

Несколько десятков музыкантов размещались позади тюлей, висевших на южной стороне зала, смутные силуэты били в большие, похожие на бяньчжун[8], колокола и ещё играли на таких же огромных, находящихся в руках, причудливых инструментах, о которых Фэн Мин ничего не знал.

Однако они действительно звучали мелодично.

Охваченный любопытством князь наблюдал за торжественными тунскими музыкой и танцами, за грациозными, отражающимися в его, Фэн Мина, глазах танцовщицами, но любознательный взгляд остановился на сидящей напротив одинокой фигуре, что находилась поодаль:

— А кто это?

Как раз в этот момент Ло Юнь предварительно со всей внимательностью осмотрел только что поданные блюда и вино, а Жун Ху пробовал одно блюдо за другим.

Сидящий позади Его Светлости Цзы Янь проследовал взглядом туда, куда незаметно несколько раз показал князь, и, увидев цель, спросил:

— Князь Мин имеет в виду того, облачённого в чёрное одеяние и без украшений на плечах, молодого мужчину?

— Верно. — Кого подразумевал Фэн Мин, действительно очень легко можно было заметить.

А тем временем в большом зале почти все с улыбкой наслаждались песнями и танцами, более того, множество из присутствующих уже приступили вкушать яства, находящиеся перед ними, предаваясь пьянке и веселью.

Только тот мужчина сидел за впереди стоящем столиком, вытянувшись в струнку с почти безразличным видом, словно сердцем находился не здесь[9], и выглядел настолько равнодушным, будто его, с трудом поймав, силком притащили на этот банкет. Более того, сам мужчина обладал красивой внешностью, однако совершенно не вписывался в окружающую его обстановку, даже на одежде отсутствовали какие-либо украшения, и к нему подходила фраза «стоит как журавль среди кур»[10].

Окинув взглядом человека, Цзы Янь прошептал:

— Князь Мин, это место отведено для почётных гостей, к тому же оно находится отдельно от остальных, должно быть, он из царствующего дома Тун.

Поняв, князь слегка кивнул.

— Опираясь на знания Вашего подчинённого, докладываю: у тунского государя Цин Дина есть два младших брата. Цин Чжан, как и сам Цин Дин, является сыном высокочтимой матушки, а самый младший брат — ничтожной[11] служанки, и имя ему У Ле. У Ле был обделён отцовской любовью, а матушкино происхождение не знатное, и хоть он являлся принцем, очень рано умер, оставив после себя ребёнка по имени У Цянь. По слухам, У Цянь является неплохим человеком — честным, порядочным и питает глубокую злобу к тунской знати за их

равнодушное отношение к смерти простого народа, он ненавидит знать ещё за то, что она целыми днями развлекается и убивает друг друга. — Цзы Янь предположил: — У Цянь очень редко покидает стены императорского дворца. И поскольку в его руках мало власти, мы никогда не отправляли людей, дабы специально создать его портрет, потому и не знаем, как он выглядит. Вот только, вероятно, молодой мужчина, на которого указал князь Мин, У Цянь и есть.

Во время правления Жун Тяня отношение Силэй к Тун можно было назвать плохим, потому в ведении расследования или разведки большее внимание уделялось императору и руководящим военными делами генералам, коих было несколько. Что же касается обычных придворных или родственников правителя, живших в стенах императорского дворца Тун, по правде говоря, это мало заботило силэйского государя.

Под такой небольшой шёпот танцы, от которых рябило в глазах, уже закончились, а танцовщицы, обведя зал прекрасными взглядами, с улыбками поклонились всем гостям и, словно шёлковая лента на ветру, удалились.

Середина зала опустела. Музыка стихла.

Беседующие между собой гости, заметив тишину, сами прекратили шёпот и больше не проронили ни слова. Какое-либо жужжание, несмолкаемое и досаждающее некоторое время, сейчас превратилось в изумительное безмолвие.

— Кхэ, — покашлял Цин Чжан, привлекая к себе всеобщее внимание, и, демонстрируя огромную власть царствующего дядюшки Тун, со значительно превосходными манерами поднял чашечку: — Из далёких краёв приехали уважаемые гости. Духи и народ страны Тун бесконечно обрадовались и специально устроили данный банкет, дабы с дорогих гостей смыть пыль[12]. Давайте, прошу, вместе осушим эти чашечки.

Все гости дружно поддержали тост и один за другим опрокинули чаши с вином.

Будучи наследным принцем Тун, Цин Ли также занимал почётный статус и потому сел напротив своего царствующего дядюшки. Видя, как Цин Чжан просто-напросто подчёркивает своё превосходство, хвастаясь императорской властью, Цин Ли от злости тихо фыркнул. Вот только в его голове всё же оставалась шелковинка здравого рассудка, более того, Его Высочество уже придумал, как нанести удар князю Мину, и сейчас, естественно, не мог открыто портить отношения[13] с кем бы то ни было. Потому принц, выпив хмельное вино и дождавшись, когда все опустят чашечки, с притворной улыбкой разомкнул уста:

— Царствующий дядюшка прав, моя страна на протяжении долгих лет не опускала меч против Силэй, значительно тратя свои силы. В этот раз император Силэй проявил щедрое великодушие, согласившись отправить в Тун официального посла, дабы сесть за стол переговоров и побеседовать о союзнических отношениях — действительно, достойное и крайне хорошее дело, позволяющее духам неба и земли так же, как и нам, обрадоваться.— Обернувшись, Его Высочество взял с рук сидящей рядом особо любимой наложницы Чан И

чашечку, что снова была полна вина, и со смехом обратился к сидящим по соседству достопочтенным гостям из Силэй: — Хэ-чжэнши и Су-фуши[14], почту этим вином Вашего находящегося далеко родного государя, пусть он будет в добром здравии. — Конечно же, говоря «Вашего родного государя», Цин Ли имел в виду вовсе не Жун Тяня, а Жун Туна, который в нынешнее время занимал силэйский престол.

Проживший долгие лета, да ещё из года в год занимающий высокий пост в Силэй, Хэ Юаньцзян, чьё лицо до этого хранило спокойствие, несколько смутился и, подняв обеими руками чашечку с хмельным напитком, выказал уважение, выпив, а после прервал своё молчание:

— Премного благодарен Вашему Высочеству Цин Ли.

Фуши Су Цзиньчао, о котором упоминал Жун Тянь, также являлся другом-шакалом Жун Туна, более того, он с Жун Тянем был почти одного возраста, тонкие черты его лица своей бледностью словно говорили, что молодому мужчине нездоровится, а подбородок выглядел несколько острым.

Во времена царствования Жун Тяня всегда чиновники отказывались выдвигать кандидатуру Су Цзиньчао, однако в нынешнее время он, кто бы мог подумать, занимал должность официального фуши, представляющего дела Силэй, сам же молодой человек находился в приподнятом расположении духа и, неотвратно показывая чрезмерную легкомысленность и ответив распитием вина Его Высочеству, вновь приказал служанке наполнить чашечку, которую немедля поднял, оплатив Цин Ли тем же:

— Я тоже от имени нашего родного государя почту этим вином Его Высочество принца Цин Ли и пожелаю Его Высочеству поскорей взойти на престол. Сегодня обе стороны решили составить договор о союзе, если Вашему Высочеству будет что-нибудь нужно, Силэй непременно поможет Вашему Высочеству, протянув руку[15].

— Премного благодарен! — и лицо Цин Ли озарилось радостной улыбкой.

Однако Цин Чжан слегка помрачнел, вот только он, такой хитрый лис, конечно, не мог открыто оскорблять посланников Силэй, и, пару раз хохотнув, мужчина со смехом заговорил тоном старшего поколения, словно наставляя юнцов:

— Цин Ли на самом деле заслуживает наказания. Ведь из дальних краёв приехали трое гостей, ты превозносишь только одних, а как насчёт двух других?

— Шу-ван, чествовать вином нужно не торопясь. — И принц поднял чашечку перед сидящим на таком же почётном месте Хэ Ди: — Ваше Высочество Хэ Ди, за твоё здоровье, желаю царствующему роду Даньлинью вечно править и наслаждаться почётом и безмятежностью[16].

Из всех высокопоставленных господ, сидящих в зале, Хэ Ди вёл себя крайне беспутно и вольно

— полублокотившись на рядом лежащую подушку, наслаждался уже не первым глотком отличного вина, которое ему вливали в уста понравившаяся служанка[17], а, услышав обращение к нему от Его Высочества, даньлинский принц от мысли, что этот тупица просто бахвалится своими политическими навыками перед влиятельными персонами Тун, в душе холодно усмехнулся.

И, несмотря на всё отвращение к этому принцу, Хэ Ди, пуская пыль в глаза, всё же лениво сел прямо и, взяв чашечку, выпил:

— Премного благодарен Вашему Высочеству. — Вот только Хэ Ди помимо своей воли боковым зрением посмотрел на противоположную сторону, где позади князя Мина как раз находился тот молодой генерал.

Свободно двигающиеся мышцы, благородная осанка — казалось, молодой мужчина готов был в любой момент вскочить на ноги, полный силы дикого барса. Но в эмоциях, застывших на лице, всё же виднелись преданность, искренняя скрупулёзность и осторожность. Такой упрямый, твёрдый и непреклонный, дерзко смотрящий на смерть, как на возвращение домой[18].

«Этот мужчина, если слегка кончиком языка потереть его сосок, до какой степени сможет обнажить соблазнительно-стыдливый румянец?» — у постоянно думающего о порочности Хэ Ди не только промеж бёдер, но даже в горле обожгло огнём от томящего желания.

— Вина, — томно «выплюнул» даньлинский принц.

Немедля взяв в обе белоснежные руки чашечку, девушка заботливо поднесла её ко рту Его Высочества. Но ароматное вино, что полилось в гортань, совершенно не могло утолить охватившую душу жажду и погасить желание.

Не обладающий каким-либо терпением даньлинский принц наслаждался закипающим в груди сладким ожиданием, словно дикий зверь, зажимающий сопротивляющуюся изо всех сил антилопу, собираясь вот-вот опустить голову и моментально вонзиться в шею жертвы. Оно было сродни предвкушению, которое испытывают морские разбойники при встрече с нагруженным доверху драгоценным торговым судном — тихо следуют по пятам за совершенно ничего не понимающей целью, с нетерпением ожидая наступления ночи, дабы броситься и овладеть всем и вся.

«Молодой, красивый, дерзкий мужчина, Цзы Янь, ты принадлежишь этому принцу», — уголки губ Хэ Ди изогнулись в крайне дьявольской усмешке. Самому принцу до смерти нравился этот бесчувственный лик молодого генерала.

— Хе, — Хэ Ди неспешно вымолвил, — оказывается, это тот направленный в Даньлин посланник. Князь Мин, в мирном договоре имеются разные вопросы, и чем быстрее начнём их решать, тем лучше. И раз уж специальный посланник здесь, прошу его после сегодняшнего банкета пройти с Кун Лю на тщательное их обсуждение.

— Это... — немного изумился Фэн Мин. Ему не то, чтобы не хотелось, но так сразу отправлять Цзы Яня — не слишком ли Его Высочество торопился?!

Пока князь мешкал, в разговор вмешался приятный слуху женский голос, вежливо и ласково интересуясь:

— Его Высочество Хэ Ди и впрямь сосредоточен на государственных делах, на таком банкете разговариваете только о серьёзных проблемах своей страны. Интересно, а что за мирный договор и настолько ли он важен, раз посередине банкета торопитесь пойти его обсуждать? — Той, кто разомкнул уста, оказалась принцесса Его Высочества Цин Ли — Чан Лю.

Она, само собой, тоже занимала почётное место, но не возле Цин Ли, а на одинокой циновке, без охраны, лишь в окружении четырёх приближённых служанок, среди которых, естественно, находилась самая близкая, завоевавшая доверие и недавно вернувшаяся с хорошей новостью, служанка Её Высочества Ши Минь.

Девушка подробно доложила Её Высочеству, какие люди и что именно внезапно подалось на пути, пока она направлялась на встречу с князем Мином. Принцесса Чан Лю забеспокоилась, узнав, что о её связи с князем Мином неожиданно стало известно третьему лицу, а именно принцу Хэ Ди. Таким образом, неизвестно, мог ли Хэ Ди всё разболтать или действительно находился на стороне князя Мина, главное, что в итоге это могло затронуть непосредственно саму Чан Лю, принося либо благополучие, либо опасность.

И хоть Ши Минь неоднократно уверяла, что Хэ Ди совершенно не умеет лгать, однако Чан Лю всё равно хотела, воспользовавшись удобным случаем, узнать, действительно ли Хэ Ди и князь Мин союзники. Потому Чан Лю мягко обратилась к даньлинскому принцу, спрашивая, но взор её прекрасных глаз с осторожностью встретился с дружелюбным взглядом Его Светлости.

Но бестолковый[19] князь Мин воспринял взгляд принцессы неправильно, и как только кожа на голове резко напряглась до предела, князь шепнул, обращаясь к находящемуся рядом Жун Ху:

— Ну всё, это конец[20], она наверняка ждёт, когда я ей отдам Вэньлань. И что теперь делать? Моя матушка не согласилась отдать цветок, и откуда я его теперь достану? Жун Ху, во что бы то ни стало следи за ней, и пока я не придумаю что-нибудь, ни в коем случае не позволяй принцессе говорить со мной, дабы не вогнать меня в замешательство, поскольку я совершенно не знаю, что ответить на её проблему. Ах, как же стыдно было смотреть в лицо господину Ду Фэну.

На самом деле мало того, что между Цин Ли и Фэн Мином складывались очень плохие отношения, которые являлись достоянием гласности, так ещё из-за положения принцессы Чан Лю им двоим просто-напросто невозможно было поговорить наедине.

— Ванцзы-фэй[21] шутит, банкет, конечно, важен, а дело о специальном посланнике, что указан в мирном договоре, упомянул лишь при случае, не более. — Хэ Ди ясно разглядел намерения

Чан Лю, в его глазах эта женщина, посмевающая за спиной супруга вступить в сговор с князем Мином, в сравнении со своим потерявшим голову от лекарств мужем, обладала хоть мизерным, но всё же умом, и откровенно ответил: — Что касается вопроса ванцзы-фэй про мирный договор, всё довольно просто, князь Мин от имени Силэй с нашей страной подписал договор о поставке светящегося песка, проложив морской путь, дабы потом можно было зарабатывать на его продаже много золота.

Пусть всё это было сказано беспечным, злым и несколько шутливым тоном, однако занимающий особое положение принц Хэ Ди понимал — даже мирный договор между двумя странами достаточно большая и важная тема, имеющая, можно сказать, взрывоопасный эффект.

— Светящийся песок?

— Но это необходимое сырьё для отливки острого оружия.

— Даньлинский светящийся песок очень редкий и ценнее золота.

— Если позволить Силэй проложить водный маршрут, то моя страна Тун...

— Его Высочество Хэ Ди и наш государь, прежде всего, находятся в дружеских отношениях, даже если существует договорённость с князем Мином, то Даньлин, по крайней мере, может ручаться ежегодно отправлять в мою страну Тун долю светящегося песка?

Сидящие позади знатные гости, забыв о вине и еде, невольно прильнули к своим соседям и стали перешёптываться[22]. По итогу в самой глубине круга несколько почётных гостей могли ясно рассмотреть эмоции находящихся на противоположной стороне людей, однако они сидели тихо за своими ломящимися от еды столиками, и у каждого было своё выражение лица.

Хэ Юаньцзян хоть и не обладал огромными навыками, однако за свою жизнь набрался достаточно опыта, дабы понять, что в данную минуту обстановка становилась крайне странной, потому лучше тигру со змеей объединиться[23] и ни в коем случае не действовать опрометчиво.

Однако сидящий рядом молодой человек, Су Цзиньчао, недавно наделённый серьёзными полномочиями и отправленный Жун Туном в государство Тун, тщательно выбравший как одежду, так и украшения, дабы постараться на сегодняшнем вечернем важном банкете открыть взору всё изящество, и горящий желанием, не удержался и, разнузданно выпустив длинный смешок, напрямую бросил Фэн Мину вызов:

— И в самом деле забавно. Я слышал, что на сегодняшнем банкете будет какой-то молодой господин рода Сяо, ещё ошибочно подумал кто и откуда он, а оказывается, это предавшая моё Силэй тварь. Пф, государь не приказывал мне преследовать какого-то утратившего известность князя Мина, а если считаешь себя молодым господином рода Сяо, тогда пусть так и будет. Вот

только ты осмелился оказаться на территории Тун, что прилегает к моему Силэй, промышляешь мошенничеством, да ещё надул правящий род Даньлинь, подписав какой-то мирный договор...

— Позвольте фуши спросить, — проживший много лет в стенах силэйского императорского дворца Жун Ху знал этого высокомерного подлеца, Су Цзиньчао, которого совершенно недолюбливал, потому, холодно прервав его бред, задал вопрос: — Что Вы подразумевали, говоря «промышляешь мошенничеством» и «надул»?

— Подразумевал презренного силэйского предателя! — злобно вернул Су Цзиньчао. — Кто такой Фэн Мин? Какой он властью обладает, чтобы от лица Силэй подписывать мирный договор? Ха-ха, право вздор!

И в большом просторном зале атмосфера веселья тотчас же без крыльев улетела[24].

Находящаяся в зале знать, не имеющая никакого отношения ко всему скандалу, обменялась растерянными взглядами, а некоторые с улыбкой глазели на разворачивающуюся перед ними довольно забавную сцену. Лишь Цин Ли был вне себя от счастья, ему так и хотелось после слов молодого помощника посла преклониться перед Су Цзиньчао, радуясь появлению ещё одного союзника, чьим врагом также являлся князь Мин. Су Цзиньчао действительно повёл себя достойно, но будь на его месте Цин Ли, то публично выплеснул бы весь гнев на Цин Чжана.

Заметив, что всё внимание обращено в его сторону, Су Цзиньчао в душе слегка вдохновился и, выпрямив спину, ещё с большим рвением, как казалось, угрожающе холодно ухмыльнулся:

— С какой стати изгнанный из Силэй человек имеет право подписывать мирный договор от лица Силэй? Молодому господину Сяо нужно объяснить данное обстоятельство этому фуши.

Фэн Мин встречал множество злых людей. Не горделивых, коим являлся князь, возможно, высказанные слова бы и испугали — как, например, недавно разбившие его в пух и прах боевые корабли Хэ Ди.

Но такого незрелого силэйского фуши, который не в состоянии был в главном зале прикоснуться даже пальцем к Его Светлости, сам князь, конечно же, не боялся.

Будучи прижатым к стене вопросами, Фэн Мин спокойно сидел на своём месте и, обладая превосходными манерами, выглядел несравненно изящным и чистым, но, встретившись с враждебным взглядом Су Цзиньчао, притворился испуганным, спрашивая в ответ:

— Ха, неужели Вы не знали, что мне лично император Силэй пожаловал титул князя Мина. В те дни император Силэй специально по этому поводу объявил свой указ, наделяя меня властью большей, чем у всех чиновников. Иначе говоря, моя власть распространяется даже на титул официального посла[25], — Фэн Мин улыбнулся. — А официальный посол имеет право от имени Силэй подписывать с другими странами мирные договоры, что я и сделал.

Услышав это, Хэ Юаньцзян понял — плохо дело. В результате спора неизбежно может вскрыться тема, законно ли их нынешний государь занимает силэйский престол.

На самом деле данная тема как раз являлась основной причиной хаоса, творящегося в стенах силэйского двора, а если во время банкета в тунском дворце упомянут её, то последствия будут серьёзными.

Потому мужчина спешно вытянул руку и дёрнул за рукав рядом сидящего паршивца-балабола, на чьих губах ещё молоко не обсохло, давая понять, что нужно закрыть рот. Да вот только разве мог Су Цзиньчао повиноваться?! Более того, юнец уже давно испытывал к этому старику, который был не в состоянии проявить силу официального посла, неприязнь и потому продолжил воевать с Его Светлостью.

— Пф, молодой господин Сяо, не нужно путать, титул князя тебе пожаловал Жун Тянь, а сейчас во дворце Силэй императором является не он, а наш государь, Жун Тун.

— Фуши что-то путает, должно быть?

С этим противником и впрямь легко справиться!

Фэн Мин был признателен Жун Туну, ведь он, князь, очень редко встречал лихих противников.

С улыбкой на лице Его Светлость спокойно, словно удав[26], проговорил:

— Жун Тун после того, как Жун Тянь пал в бою, унаследовал престол, и, судя по вышесказанному, именно Жун Тянь — прежний правитель Силэй. Хорошо, я не собираюсь с Вами спорить, правомочно ли Жун Тун занимает силэйский престол, я просто спрошу Вас: неужели смее не соблюдать первоначально провозглашённый указ Жун Тяня?

Поначалу Су Цзиньчао от вопроса «спутал ли он что-то» ненадолго впал в нерешительность. Однако, кто бы мог подумать, он тотчас же кивнул и громко проговорил на весь зал:

— Смею!

Сейчас настала очередь Фэн Мина обомлеть: «Этот тип слишком храбрый или, в конце концов, совсем без мозгов?»

Но Су Цзиньчао вовсе не был без мозгов, так как осмелился публично высказаться о престолонаследии императора, и, окинув взглядом всех вокруг сидящих, ясно отчеканил:

— Всем странам известно, что наш государь действительно унаследовал право занимать престол после Жун Тяня, вот только, дабы все присутствующие поверили, хотите взглянуть на

официальный документ, недавно оглашённый нашим государем от имени правящего дома?

«Документ, оглашённый от имени царствующего дома? То есть государь как всем министрам, так и народу, а вместе с тем и всем странам, во всеуслышание объяснил подобное дело?» — každодневная суматоха так охватила Фэн Мина, что он совершенно упустил из виду этот самый документ.

Но Су Цзиньчао с доброжелательной улыбкой пояснил князю:

— Правящий император Силэй Жун Тянь, получивший любовь и уважение народа, внезапно в случившейся смуте был ранен и пропал без вести, а поскольку наш император происходит из царствующего рода, то у него изначально было право стать следующим правителем, потому всё произошло закономерно. И здесь нет никакого преступления.

Слова звучали верно, однако помимо всего прочего упускалось из виду то, что Жун Тянь получил ранение и пропал без вести как раз из-за предательства и засады, устроенной Тун-эром. Вот только силэйская мощь огромна, да и Жун Тун до сих пор восседал на престоле, а знать других стран хоть и знала истинное положение вещей, как бы кто ни хотел высунуться со своим мнением на данный счёт, не мог этого сделать — все ждали, наблюдая за «поединком», разгоревшимся между силэйским фуши и князем Мином.

В своё время Фэн Мин множество раз наблюдал по телевизору, как отважные мужи-языковые чтецы[27] вступали в споры, будучи на императорских банкетах, однако сам впервые сталкивался с подобным и, сложив губы в улыбке, слегка кивнул:

— Действительно, неловко вышло, а вы тогда решили, что Жун Тянь умер, но на самом деле он жив. И раз уж Ваш государь тоже понимает, что престол перенял от Жун Тяня, так я спрашиваю: кхэ, появиись Жун Тянь в Силэй, ваш государь, проявив толику такта, вернёт престол его поистине законному владельцу?

Слова звучали легко и довольно занимательно, и ко всему прочему прямолинейно.

Тут с противоположной стороны раздался лёгкий приятный слуху смешок, и хоть он эхом не прокатился по залу, однако неожиданно привлёк к себе внимание.

Кто оказался настолько храбрым, что так дерзко проявил непочтительность по отношению к силэйскому князю и фуши? Да ещё не боясь, что позже ему отомстят?

Фэн Мин с изумлением посмотрел на другую сторону, оказалось, что смех принадлежал именно тому красивому молодому человеку, которого он, князь, ещё с самого начала банкета заметил, и если верить словам Цзы Яня, звали его У Цянь.

— Престол, собственно говоря, должен быть возвращён. Наш государь — благородный человек

и никогда не нарушал принципы морали, в каждом движении, в каждом поступке он делает всё, дабы защитить интересы Силэй, думаете, он жаден до престола Силэй? — высказал удивительные слова Су Цзиньчао.

У всех вытаращились глаза и язык онемел[28]. Больше всех был удивлён Фэн Мин, который, выпучив глаза, почти засомневался, уж не тайный ли сторонник Жун Тяня этот сидящий перед ним официальный фуши, который неожиданно высказался, при этом с уважением, озвучивая интересы Жун Тяня?

Довольный результатом своих слов Су Цзиньчао поднялся из-за стола и, надменно глядя на Фэн Мина, изменчиво продолжил:

— Вот только когда наш государь начнёт подготавливать указ, где объявит новость о том, что Жун Тянь вовсе не умер, и призовет всех отпраздновать данное событие, к тому же желая позволить Жун Тяню по возвращению в Силэй вновь занять престол, заметит, что прежний правитель совершенно не в состоянии править страной.

— А? Что ты сказал?

— Жун Тянь не способен править Силэй, — громко повторил Су Цзиньчао, позволяя всем, кто находился снаружи и в стенах огромного дворца, услышать, после чего добавил, с ясностью чеканя каждое слово: — Будучи правителем Силэй, Жун Тянь пошёл наперекор царствующему роду, да ещё в придачу всем известным знатым семьям собирался объявить указ о какой-то равной милости, дабы уничтожить моральные устои моей страны, непоколебимо стоявшие сотни лет. Как можно возратить престол такому предателю?

Одаривая высокомерным взглядом Его Светлость, Су Цзиньчао крайне холодно процедил:

— Молодой господин рода Сяо, хорошо, Жун Тянь уже некогда являлся императором Силэй, но как оказалось, был предателем, поэтому все его указы наш государь уничтожил, в том числе и указ о твоём провозглашении в качестве князя, абсурдный императорский указ по силе такой же, как власть бывшего силэйского правителя.

Несколько сотен человек, находящихся в зале, настолько притихли, что казалось, даже дыхание затаили. А Фэн Мин наконец-то понял, что именно говорилось в том документе, оглашённом от царствующего дома.

Значит, Тун-эр не такой уж и идиот, по крайней мере он, зная некоторые формальности, пустил пыль в глаза, объясняя всему силэйскому народу от мала до велика, почему прежний правитель Силэй, якобы умерший Жун Тянь, оказался в живых и почему нынешний государь, предвидя огромное бедствие — Жун Тянь не побоится и вернётся — не покорно уступит престол, а направит людей уничтожить бунтовщика.

Борьба за огромную власть никогда не станет существовать без великодушия или

действительно здравого смысла. Вот только без чувств народа никак не обойтись, да и слухи, ходящие по всем государствам, также несли в себе серьёзный характер. Более того, Тун-эр нашёл идеальный аргумент: Жун Тянь — недостойный правитель Силэй.

Что же касается доказательств, то ими являлся указ «О равной милости», который был настолько веским, что казался забитыми гвоздями на железном листе[29]. Равная милость означала измену Силэй, а измена — обвинение, что Жун Тянь — недостойный правитель, а это в свою очередь значило, что Жун Тун как раз подходящий вариант на роль императора Силэй.

Медленно потягивая вино из чашечки, князь тихо прикидывал, выводя схему при помощи научного метода «как напасть, контратакуя», дабы разнести юнца в пух и прах.

— Молодой господин рода Сяо, этот фуши закончил свою речь. Прошу теперь Вас говорить, Вы — ничтожный сын мелкого торговца, даже, можно сказать, не являетесь знатью — посмели бесстыдно похвастаться об имеющихся правах подписывать мирный договор от лица Силэй. Что Вы задумали, смотря на мой Силэй с пренебрежением?

Су Цзиньчао ехидно сказал со смехом:

— Такое оскорбление моего Силэй и государя без веских на то причин вынудят меня, воспользовавшись положением силэйского фуши, просить моих тунских друзей в ближайшем будущем заключить Вас под стражу, а позже — приговорить к смерти.

Глаза Цин Ли внезапно заблестели: «И впрямь великолепно! На этот раз тайное убийство не обязательно планировать, ведь лучше всего, если дворцовая охрана изрубит этого проклятого князя Мина. А при огромной поддержке в лице силэйских союзников убить находящегося перед глазами негодяя безо всяких объяснений проще простого, и даже захвативший власть царствующий дядюшка не рискнёт его защитить, боясь вызвать гнев Силэй. Этот молодой человек, Су Цзиньчао, и впрямь во много раз полезней, чем всё время молчавший посол».

— Ха-ха, — видя всю опасность положения, Хэ Ди, смеясь, вставил слово. — Силэйский фуши, этот принц не хочет влезать в дела Вашего государства, но есть кое-какое дело, которое могу объяснить. Князь Мин... нет, молодой господин рода Сяо в заключённом между нами договоре просто подписался «Фэн Мин» и оставил лишь отпечаток большого пальца, совершенно не используя княжескую печать. Да, кстати, Кун Лю, что говорится в мирном договоре, только коротко?

Сидящий сзади Кун Лю тотчас же ответил, чтобы все находящиеся в зале могли услышать:

— В мирном договоре указываются две стороны, одна из которых — присутствующий здесь принц Даньлин, а вторая сторона — область влияния князя Мина и Жун Тяня. То есть, объясняя другими словами, если Жун Тянь не правит Силэй, то Силэй не упоминался бы в мирном договоре.

— М-м. С самого начала этот принц ошибался, так как живёт за пределами одиннадцати государств и совершенно не знает нынешнего положения дел, да ещё ошибочно считая, что подписал мирный договор с Силэй. — Лениво подавляя зевоту, Хэ Ди легкомысленно сгрёб сидящую рядом с ним красавицу, вскользь бросая: — Сейчас всё прояснилось, выходит, что прибыль от проложенного пути и перевозки светящегося песка будет идти вовсе не Силэй, а только семье Сяо, так?

Кун Лю присоединился к разговору:

— Да, так, молодой господин.

Даньлинский царствующий род, кто бы мог подумать, отважно показал лицо, помогая Фэн Мину защититься в этом раунде и вызывая крайнее удивление у всех присутствующих. Мирный договор для Су Цзиньчао являлся основанием надоедать князю Мину, а сейчас неожиданно этот нахальный даньлинский принц передумал, тем самым сбивая с толку. Су Цзиньчао тотчас же обомлел, не зная, как продолжить дискуссию.

Хэ Юаньцзян, наоборот, вздохнул с облегчением и в душе поблагодарил духов Силэй, что ниспослали ему милого даньлинского принца, и, воспользовавшись удобным случаем как можно скорее закрыть рот Су Цзиньчао, беззастенчиво выдавил лёгкую улыбку, громко призывая:

— Су-фуши следует вернуться и сесть на своё место. Ведь здесь, в тунском дворце, проходит банкет, потому всё же хотим послушать шу-вана и принца Цин Ли.

— Подожди, — разомкнул губы Фэн Мин.

Су Цзиньчао внезапно остановился и, обернувшись, уставился на князя:

— Как? Молодому господину Сяо ещё есть что сказать?!

— Да, есть. — И Фэн Мин, непренуждённо подняв голову, явил присутствующим своё красивое и привлекательное лицо.

Все в зале — царствующий род Тун, знать, даньлинский принц, силэйские посланцы, принцесса Чан Лю и их приближённые слуги — ясно услышали спокойный, наполненный лишь мягкостью, мужской голос, что звучал без всякой заносчивости, злобы и наглого высокомерия.

Князь, чётко произнося, начал с изящностью:

— Редко встречается посланник, который может спокойно отвечать, представляя Силэй. Только что Су-фуши сказал: поскольку Жун Тянь провозгласил указ «О равной милости», он предал Силэй и поэтому не имеет права вновь занять место правителя. Вот только с какой стати Вы говорите, что указ «О равной милости» является предательством?

Находясь в самом роскошном зале тунского дворца перед лицом почти всей титулованной знати, князь наконец-то сделал первый высокоточный контрудар в сторону агрессивного посланника из Силэй.

За всю жизнь Фэн Мин впервые вступил в бой вовсе не вынужденно и не с целью сохранить себя. Схваченный Жо Янем и увезённый в Ли, князь вызвал великую битву на реке Оман, Лу Дань похитил князя вновь и привёз в Дунфань, что привело к кровопролитному сражению в стенах императорского дворца, и, подвергшись внезапной атаке со стороны кораблей Хэ Ди глубокой ночью, молодой муж, пренебрегая смертью, принял сражение, ведя за собой подчинённых — это отличалось от того, что происходило сейчас в зале императорского дворца Тун.

Впервые князь вместо того, чтобы выйти из неприятной ситуации в целостности и сохранности, выбрал лучшим вариантом добровольно нанести удар. И повторно кинулся в водоворот политического спора. Ради Жун Тяня и себя.

— Указ Жун Тяня «О равной милости», в конце концов, действительно ли приравнивается к предательству?

Относительно данного вопроса я, как сын мелкого торговца, занимающий положение молодого господина рода Сяо, прошу Су-фуши перед лицом многих персон правящего рода и знати как следует прояснить этот вопрос.

На лице князя появилась трогательная улыбка, что была подобна капле росы в рассветных лучах солнца, и вместе с самоуверенностью она вызвала восхищение. За этой дерзкой и спокойной улыбкой скрывалось огромное желание обхватить бедро[30] Ле Чжунлю и залиться слезами[31].

Его Светлость не знал, как благодарить Ле Чжунлю. Был благодарен ему, когда, находясь в Юэчжуне, господин министр задавал вопросы, которые могли возникнуть в Тун, и за настойчивую практику, и за бесчисленно потраченные душевные силы, которые по итогу толкнули в это опасное и волнительное путешествие.

В миг, когда спокойно бросил вызов Су Цзиньчао, князь впервые глубоко почувствовал такое воодушевление и желание сражаться ради Жун Тяня, что ничем нельзя было выразить. Он наконец понял те слова, некогда сказанные Жун Тянем, — «любовь императора».

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «сблизить головы, коснуться (губами) уха», обр. в знач.: шептаться, шушукаться.

[2] 高士 (guóshì) — гоши — почётный титул монаха при династиях Юань — Мин; наставник (учитель) государя (также название придворной должности при династии Хань).

[3] 奇人 (qìdù bùfán) — циду буфань — можно перевести как «незаурядная личность», а также

«необыкновенная манера держаться».

[4] В шёпote гостя слышно Fengliú (fēngliú) — фэнлю — может означать как «выдающийся\очаровательный\высоконравственный», так и «продажная любовь\проституция\разврат», более того, в даосизме фэнлю означает «ветер и поток»; «порядок, идущий от старых времён»; «естественная гармония» (соединение образов мужского «ветра» и женского «потока»).

[5] Hàonán sèzhě (hàonán sèzhě) — хаонань сэ чжэ — гомосексуалист.

[6] В тексте используется довольно «невинный» глагол Wánnòng (wánnòng) — ваньнун — «играть\забавляться\развлекаться», но у него есть синоним — слово Wěixiè (wěixiè) — вэйсе — у которого как раз-таки сексуальная подоплёка «развратный\непристойный». Ведь мы понимаем, что имели в виду чиновники, говоря про игру:)

[7] Guósè tiānxiāng (guósè tiānxiāng) — госэтяньсян — необыкновенная красота и божественный аромат (обр. о пионе); необычная красота, необычайная красавица.

[8] Древнекитайский музыкальный инструмент, состоящий обычно из 16 колоколов разного размера, подвешенных в два ряда на одной стойке, звучащих по полутонам.

[9] Дословный перевод — «сердце находится не здесь», обр.: рассеянный, невнимательный, поглощённый своими мыслями.

[10] Обр. в знач.: возвышаться над окружающими, выделяться, возвыситься.

[11] Dījiàn (dījiàn) — дицзянь — имеется в виду очень низкий статус у слуг.

[12] Обр. в знач.: устроить угощение в честь приехавшего из далёких краёв гостя.

[13] Sīpòliǎn (sīpòliǎn) — сыполян — букв. «разорвать лицо»; обр. в знач.: [публично] разорвать, прекратить или испортить отношения; рассориться.

[14] Напоминаем, что чжэнши — это главный посол, а фуши — помощник (заместитель) посла.

[15] В оригинале фраза звучит как «сила одной руки», обр. в знач.: протянуть руку помощи, оказать помощь, подсобить.

[16] Цин Ли говорит Tàipíng (tàipíng) — тайпин — которое можно перевести не только как «великое спокойствие; благоденствие; спокойный\тихий\мирный\безмятежный», но и «страхующий, запасной».

[17] Chǒngjī (chǒngjī) — чунцзи — можно перевести как «любимая наложница», но, если по-иероглифно, то Chǒng (chǒng) — чун — снискавшая расположение\любовь, Jī (jī) — цзи — придворная дама (дин. Хань). В древние времена такое название носили певицы при императорском дворце, а также девушки (куртизанки), живущие в чайных домиках.

[18] Обр. в знач.: не бояться смерти; отважный, бесстрашный.

[19] Hútúchóng (hútúchóng) — хутучун — сама фраза звучит бранно «болван\бестолочь», а если по-иероглифно, то Hútu (hútu) — «запутавшийся\глупый\бестолковый», Chóng (chóng) — «червь\насекомое\змея».

[20] Wándàn (wándàn) — ваньдань — означает «конец!», «крышка!», а также можно перевести как

«пиздец».

[21] Хэ Ди называет Чан Лю 王姬 (wángzī fēi), что означает «второстепенная жена\наложница\принцесса наследного принца».

[22] Используется та же фраза, что в примечании 1.

[23] В природе змея с тигром враги, то есть делаем вывод, что двум крупнейшим врагам лучше объединиться, дабы отразить нападение самого сильного противника, который пошёл против них.

[24] «Без крыльев, а улетело» — китайская поговорка, означающая «потеряться, исчезнуть».

[25] Фэн Мин называет себя вэньшу-ши (文書師) — по-иероглифно это переводится как «секретарь, отправляющийся со служебным поручением» — тем самым вспоминая, как ездил в Фаньцзя в качестве официального посла.

[26] 泰然自若 (tàirán zìruò) — тайжань цзыжо — оставаться абсолютно спокойным; сохранять душевное равновесие; обр. спокоен, как удав.

[27] В оригинале фраза звучит как 舌辩 (shé biàn) — шэ бянь — в династии Тан и Сун так называли выступающих (на улицах) рассказчиков. Также эту фразу можно перевести как «дебаты».

[28] Обр. в знач.: опешить, остолбенеть, онеметь, лишиться дара речи.

[29] Обр. в знач. крепко-накрепко, железно [решено дело].

[30] 大腿 (dàtǔ) — датуй — бедро; ляжка; обр. влиятельная персона.

[31] 淋漓尽致 (línlí jìnzhì) — линьли цзиньчжи — букв. пропитывать насквозь.

<http://bllate.org/book/13377/1190247>